

Дмитриев А.В., Малышев А.А. 2009: Население предгорий Северо-Западного Кавказа в VIII–IV вв. до н.э. // *ABRAU ANTIQUA*. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. М., 57–73.

Карасев В.Н., Лебеденкова Л.С. 1972: Гробницы у х. Рассвет // *КСИА*. Вып. 130, 58–61.

Крушкoл Ю.С. 1963: Археологические исследования древней Синдики экспедициями Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской // *Учен. записки МОПИ*. Т. СХV. Всеобщая история. Вып. 4. М., 47–109.

Крушкoл Ю.С. 1968: Античное здание в районе Горгиппии // *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. К столетию со дня рождения акад. С.А. Жебелёва. 1867–1967. Л., 213–219.

Крушкoл Ю.С. 1971: Древняя Синдика. М.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2010: Древние культуры Кубани. Меоты // *Античное наследие Кубани*. Т. I. М., 187–217.

Масленников А.А. 1995: Каменные ящики Восточного Крыма. К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н.э. М. (Боспорский сборник. Вып. 8).

Новичихин А.М. 2006: Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э. (по материалам погребальных памятников). Анапа.

Сапрыкин С.Ю. 2002: Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.

Онайко Н.А., Дмитриев А.В. 1982: Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже нашей эры // *ВДИ*. № 2, 106–122.

Сокольский Н.И. 1963а: Крепость на городище у хутора Батарейка I // *СА*. № 1, 179–191.

Сокольский Н.И. 1963б: К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // *Acta antiqua Philippopolitana. Acta archaeologica*. Sofia, 11–25.

Сокольский Н.И. 1967: Крепость на поселении Батарейка II // *КСИА*. Вып. 109, 108–115.

Сокольский Н.И. 1975: Крепость аспургин на Боспоре // *КСИА*. Вып. 143, 21–30.

Сокольский Н.И. 1976: Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. 1997: Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.

Тохтасьев С.Р. 2004: Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (обзор новых эпиграфических публикаций) // *ВДИ*. № 3, 144–180.

Яйленко В.П. 2010: Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. М.

Е.М. Алексеева,
доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник Института археологии РАН

© 2012 г.

New Studies on the Seleucids. ed. by E. Dąbrowa. Kraków: Jagiellonian University Press, 2011 (Electrum. Vol. 18). 196 P.*

Последний, 18-й том альманаха «Electrum», вышедший под заголовком «Новые исследования по истории Селевкидов», – заметное событие для исследователей эллинизма. За последние два десятилетия различным аспектам истории этой эллинистической монархии посвящено более десятка монографий, в которых были переосмыслены старые и предложены новые концепции, проведены важные исследования в области эпиграфики, нумизматики и археологии. В то же время тематические сборники статей по истории державы Селевкидов стали во многом историографической редкостью, и появление такой работы сразу же обращает на себя особое внимание. Рецензируемое издание представляет собой сборник статей, объединенных только в самом широком смысле идеей новых тен-

* Автор выражает благодарность профессору Ягеллонского университета (Краков) Э. Домброва за предоставленную возможность ознакомиться с 18-м томом альманаха.

денций в изучении государства Селевкидов. Следует отметить, что более конкретная проблематика в нем никак не выделена, поэтому спектр затрагиваемых научных проблем весьма широк, в чем, собственно говоря, есть как положительные, так и отрицательные стороны.

Открывает сборник статья бельгийского исследователя Т. Бойи «Локальные и общегосударственные системы датировок в начале эллинистического периода» (с. 9–22). Автор обращает внимание на проблему сосуществования двух систем летосчисления при Александре Великом и его ближайших наследниках. Т. Бойи выделяет так называемые общегосударственную (*imperial*) и локальную (*local*) системы летосчисления¹. Традиция совместного использования этих систем существовала еще в Персидской империи. Так, наряду с официальной ахеменидской хронологией, в греческих городах Малой Азии и в Финикии использовалось локальное летосчисление, ориентированное на местную традицию (например милетские стефановоры). Подобная ситуация сохранилась и при Александре.

Один из основных вопросов в исследовании Т. Бойи – это вопрос о распространении общегосударственной македонской хронологии на Ближнем Востоке во время походов Александра, так как завоевание империи Ахеменидов происходило постепенно. Проанализировав материалы вавилонских табличек, лидийских надписей, арамейских остраконов из Идумеи и демотических папирусов, автор приходит к выводу, что на большей части державы Александра была распространена общегосударственная система летосчисления, согласно которой первым годом правления Александра был 336 год до н.э. Таким образом, и вавилонская, и лидийская хронологические системы начинались не со времени присоединения данной области к государству Александра, а наоборот, учитывали его македонский период царствования. Исключение, по мнению Т. Бойи, представляет лишь Египет, в котором счет лет правления Александра Македонского начинается с 331 года до н.э., т.е. с момента завоевания им Египта.

Отдельного внимания заслуживает попытка автора заново датировать один недавно опубликованный хозяйственный документ из Бактрии, текст которого составлен на арамейском языке (с. 14–15). Данный источник содержит дату: 15-й день месяца *сиван* 7-го года Александра. Издатель этого документа, Ш. Шакед, следуя идее существования локального вавилонского летосчисления правления Александра (начиная с 331 года до н.э.), предположил, что этот памятник может датироваться 324 годом до н.э.² Однако Т. Бойи, ссылаясь на тот факт, что документально такая хронологическая модель не зафиксирована, отвергает эту дату. Он рассматривает два варианта датировки этого текста: июль 330 г. или июль 310 г., т.е. уже время правления Александра IV, сына Александра Великого. Т. Бойи предпочитает второй вариант, ссылаясь на то, что в 330 г. Бактрией правил еще самопровозглашенный Артаксеркс V, а в 310 г., над этим регионом, возможно, уже установил контроль Селевк I. Однако стоит отметить, что в 310 г. до н.э. Селевк, который действительно до 305 г. до н.э. вел летоисчисление от имени Александра IV, был занят войной в Вавилонии. И хотя в это время он совершил поход в Верхние сатрапии, победив их правителя Никанора, тем не менее авторитет его власти в этом регионе был крайне слаб. Поэтому если данный документ действительно датируется июнем 310 г. до н.э., как это считает Бойи, то инициатива летосчисления от имени Александра в данном случае исходила не от самого Селевка, а возможно, от сатрапа Бактрии, которым вполне мог быть на тот момент Стасанор.

Т. Бойи затрагивает также проблему общегосударственного летосчисления после смерти Александра. В общем она просуществовала вплоть до принятия диадохами в 305 г. до н.э. царских титулов. После Александра вавилонские документы датируются по годам правления Филиппа III Арридея. Однако после его гибели в 317 г. до н.э. наряду с общепринятой государственной хронологией появляется летосчисление по годам правления Антигона. Эта новая система датировки характерна для документов Вавилонии и Идумеи. Как считает Т. Бойи, опровергая теорию Э. Ансона о введении локального летосчисления в Идумее при Антигоне, подсчет лет по правлению Антигона был начат примерно летом 315 г. до н.э. В то же время локальные системы городов Малой Азии и Финикии оставались без изменений, как сохранялась и хронологическая традиция в Египте.

В статье французского археолога П. Лериша «Эвропос-Дура при Селевкидах» (с. 23–40) подведен некоторый итог 25-летней работе Франко-сирийской археологической миссии в Дура-Эвропос³. П. Лериш поставил основной задачей статьи пересмотр городского плана, предложенного исследователями Йельской экспедиции, с учетом последних археологических открытий. Вначале кратко опи-

¹ Необходимо отметить, что автор ранее затрагивал эту проблематику в своих работах (Boiy 2000; 2007).

² Shaked 2004, 17–18.

³ Отдельным аспектам последних археологических открытий в Дура-Эвропосе, рассмотренным в данной статье, автор уже неоднократно посвящал свои работы (например, Лериш 2003; Leriche 2003).

сана история раскопок Дуры, отмечены основные заслуги экспедиций Ф. Кюмона и М.И. Ростовцева. Однако материалы, обнаруженные в ходе раскопок последних двух десятилетий, внесли существенные изменения в представления о Дуре-Эвропос эллинистического периода. Собственно находки, относящиеся к селевкидскому периоду, не столь многочисленны. Наибольший интерес представляют монеты и некоторые образцы керамики, среди которых можно выделить ручку хиосской амфоры, датированную первой четвертью III в. до н.э., а также уникальный экземпляр литейной формы фигурки Афродиты Урании.

Особое место в статье уделяется вопросам хронологии памятника. Благодаря новым разведкам и раскопкам удалось установить, что городские стены были воздвигнуты только в середине II в. до н.э. П. Лериш выделяет четыре основных этапа истории Дура-Эвропос (с. 29). Первый связан с постройкой в конце IV в. до н.э. Никанором крепости (фруриона) на берегу Евфрата. Ко второму этапу относится возникновение поселения вне крепости на дороге из Антиохии на Оронте в Селевкию на Тигре, которая проходила у подножия цитадели. На третьем этапе (середина II в. до н.э.) был основан полис и воздвигнуты городские стены. Четвертый этап – время накануне парфянского завоевания и связанные с ним перестройка крепости и завершение строительства крепостной стены.

Детальному анализу П. Лериш подверг отдельные объекты поселения, в частности цитадель (с. 31–33). В ходе раскопок было обнаружено, что платформа, на которой располагалась крепость, в какой-то момент подверглась естественному обрушению, что было связано с разрушением берега Евфрата. В ходе этого природного изменения ландшафта пострадала и старая крепость. Однако постройка новой хотя и была начата, но до парфянского завоевания так и не завершилась. Также было установлено, что в результате обвала берега образовался карьер, в котором позднее жители Дура-Эвропос стали добывать строительный материал для постройки городских укреплений.

Пересматривая йельский план Дура-Эвропос, П. Лериш справедливо отметил, что термин М.И. Ростовцева «Hellenistic City Plan» является во многом условностью, так как греческий полис в этом поселении был основан довольно поздно – во II в. до н.э. Несмотря на многочисленные корректировки йельского плана, внесенные участниками Франко-сирийской экспедиции, некоторые элементы все же остались неизменными. Например, неоспоримым остается тот факт, что город был окружен мощными укреплениями. Не вызывают сомнений и положение цитадели и ровная решетчатая структура топографии города с располагающейся в центре агорой. Внесенные П. Леришем изменения коснулись главным образом следующих объектов. Было пересмотрено направление дороги из Антиохии в Селевкию, которая, по мнению автора статьи, являлась центральной улицей новой Дура-Эвропос. Раскопки на агоре выявили наличие зданий эллинистического времени, и в частности, хреофилакиона. Было подробно исследовано устройство храма Артемиды, что даже позволило П. Леришу сравнить его с Дельфином в Милете. Эллинистические слои обнаружены и на участке, названном М.И. Ростовцевым акрополем. Среди зданий этой части города можно отметить дворец стратега и храм Зевса Олимпийского. Особый интерес привлекает найденная в 2010 г. капитель ионической колонны. Судя по размерам, пропорциям и качеству выполнения рисунка, колонна, которую венчала эта капитель, была частью какого-то грандиозного сооружения. П. Лериш полагает, что эта капитель соответствует похожим экземплярам из храмов анатолийского побережья, в частности, из построек Магнезии на Меандре или Приены. В заключение П. Лериш еще раз подчеркнул важность последних археологических открытий в Дуре-Эвропос как для понимания истории данного города, так и для дальнейшего исследования феномена восточногреческой колонизации.

В статье Л. Мартинес-Сев «Сузы и Селевкиды в III в. до н.э.» (с. 41–66) дан краткий обзор истории города в правление первых царей династии. В начале работы автор подчеркнула, что изучение эллинистического периода истории Суз было начато только во второй половине XX в. и ввиду крайней скудости источников многие проблемы остаются дискуссионными. Л. Мартинес-Сев кратко охарактеризовала ту роль, которую играли Сузы при Ахеменидах, Александре и диадохах. На протяжении всего этого времени город находился в центре политического внимания.

Заметное место занимали Сузы и в государстве Селевка I. При нем здесь была организована столь масштабная чеканка серебряной монеты, что монетному двору требовалось восемь штемпелей лицевой стороны в год. Такие объемы безусловно указывают на исключительное экономическое положение города, к тому же монетный двор Суз являлся одним из основных в державе Селевка I. Весь сузианский чекан автор разделяет на несколько групп. Среди них особое место занимают такие типы: «александровский» тип, «Ника, украшающая трофеи», «слоновые колесницы». Вслед за Б. Криттом⁴ Л. Мартинес-Сев справедливо отметила, что выпуск монет типа «слоновая колесница», чеканившихся также дворами Селевкии на Тигре, Бактр и Ай-Ханума, был связан с активностью соправителя Антиоха.

⁴ Kritt 1997, 106–107.

Однако утверждение исследовательницы, что резиденцией Антиоха-соправителя были именно Сузы (с. 49, 58), требует уточнения. Единственным аргументом этой версии является особое экономическое положение Суз, где еще с ахеменидских времен располагалась царская сокровищница. Тем не менее для Селевка I наиболее важной в этом отношении была Вавилония. Более того, существуют свидетельства вавилонских табличек об активности Антиоха именно в этом регионе (ВСНР 5, 6). Также особое внимания соправителя требовала постройка Селевкии на Тигре, которая, возможно, и была восточной столицей Антиоха.

Л. Мартинес-Сев выдвигает весьма интересное предположение о том, что ко времени правления Селевка I относится появление македонского гарнизона в городе. В ходе археологических раскопок было обнаружено, что на акрополе концентрировалась основная масса эллинистического археологического материала. Автор вполне резонно считает, что, возможно, здесь уже в ранний эллинистический период была македонская цитадель.

После смерти Селевка I в 281 г. до н.э. значение Суз как одного из важнейших городов Персидской империи постепенно падает. Объемы чеканки заметно уменьшаются, а часть отчеканенных монет предназначалась для западных сатрапий. Исследовательница называет это парадоксом первой половины III в. до н.э., когда Сузы все еще имели большое общегосударственное значение, но играли весьма незначительную роль на региональном уровне (с. 53). Вторая половина III в. до н.э. характеризуется распространением «манумиссий», обнаруженных в районе храма Нанайи. Благодаря этим текстам стало известно о существовании в Сузах развитой административной иерархии, а также о присутствии внушительного гарнизона. К этому же времени относится и уплотнение городской застройки в северной части Царского города. В монетном чекане также наблюдаются новые тенденции. Все эти изменения подчеркивают некое «обновление города», которое Мартинес-Сев осторожно отождествляет с преобразованием Суз в греческий полис – Селевкию на Эвлее – во второй половине III в. до н.э. Затем автор рассмотрела политику Селевкидов в отношении региона Персидского залива и отметила, что эта часть державы всегда находилась в зоне интересов Селевкидов в III в. до н.э. Антиох III провел масштабную реорганизацию региона, целью которой было укрепление здесь власти Селевкидов.

Весьма интересной и в то же время дискуссионной теме – колонизационной деятельности Антиоха I – посвятил свою статью «Колонии Антиоха I Сотера в Карии (St. Byz. s.v. *Antiocheia*)» (с. 67–80) итальянский исследователь А. Примо. Центральное место в его работе занимает тщательный анализ одного отрывка из сочинения Стефана Византийского «Этника», где приводится легенда о сие Антиоха I, в котором ему явились три женщины, приказавшие построить три поселения в Карии. Царь выполнил этот завет и основал, как повествует источник, Антиохию на Меандре, Нису и Лаодикею на Лике, названные якобы в честь его матери, жены и сестры. В действительности же у Антиоха I не было ближайших родственников с подобными именами. Однако автор обнаруживает связь данного свидетельства с основанием Селевком I сирийского Тетраполиса, названия городов которого соответствовали женским династическим именам.

В целом в «Этнике» этот сюжет имеет две традиции. Первая из них связывает основание Лаодикеи с Антиохом I, а вторая – с его сыном Антиохом II. Рассмотрев эпиграфический материал, А. Примо пришел к выводу, что Лаодикея была сформирована в результате синойкизма трех поселений: Неотеихоса, Киддиоса и Бабаса. Поселение с греческим названием Неотеихос исследователь считает колонией Антиоха I, основанной, по ее подсчетам, сразу же после победы над галатами, а сам полис, судя по всему, был образован только при Антиохе II⁵.

Традицию основания полисов Кarii Антиохом I, отраженную в сочинении Стефана Византийского, А. Примо считает более поздней, относящейся к периоду после смерти Антиоха I и до Апамейского мира (261–189 гг. до н.э.). Очевидная связь этой легенды с Селевком I, а также с историей о браке Антиоха и Стратоники позволяет исследователю сделать вывод, что формирование этой традиции произошло в период правления Антиоха III, который проводил масштабную пропаганду своей власти в Малой Азии.

Ф. Муччоли в своей статье «Антиох III и ономастическая политика Селевкидов» рассмотрел некоторые аспекты ономастической политики Селевкидов (с. 81–96). Основное внимание автор уделяет разбору достаточно известного факта, а именно – в надписи из Гераклеи на Латмосе (SEG XXXVII. 859) второй сын Антиоха III, будущий царь Антиох IV, назван Митридатом. Для интерпретации этого свидетельства Ф. Муччоли подробно проанализировал традицию имянаречения у Селевкидов, при этом поставив под сомнение идею Р. Струотмана о том, в селевкидской практике первого сына называли в честь деда по отцовской линии, а второго – в честь самого отца. Антиох IV, таким образом,

⁵ Г. Коэн считает, что поселение было основано только при Антиохе II, между 216 и 253 годами (Cohen 1995, 309).

будучи третьим сыном Антиоха III, мог быть назван в честь отца своей матери – Митридата II⁶. Как отметил Ф. Муччоли, практика смены имени существовала в Македонии, но такие случаи известны только с женскими именами. Между тем само имя «Митридат» бесспорно подчеркивает некую связь с иранским миром. В этом контексте Ф. Муччоли сделал попытку обнаружить связь Антиоха III с Ахеменидами (с. 89). Для Селевкидов существование иранских имен в царской фамилии (и без связи с Ахеменидами) – не редкость: например, первая жена Селевка I, Апама, дочь Спитамена Бактрийского, или упомянутый в астрономическом дневнике 245 г. до н.э. некий Апам⁷.

В целом появление имени «Митридат» в царской семье может быть одним из проявлений матримонимальной политики Антиоха III. Однако четкая иранская линия в его пропаганде все же не прослеживается, и говорить об «иранизации» династии не приходится. Антиох III официально носил титул «Великий царь», но иногда называл себя все же «македонянином». После 193 г. до н.э. политика Антиоха III меняется, что связано со смертью старшего сына – Антиоха. Теперь целью царя было сохранение единства династии, поэтому он отдал Лаодику, жену умершего Антиоха, за третьего сына – Митридата, который, видимо, после женитьбы именуется Антиохом. Изменение имени в данном контексте, – разумеется, не случайность. Ф. Муччоли обнаруживает параллель с ситуацией в Каппадокии, где сын Ариарата IV и Лаодики, будущий Ариарат V, также первоначально был назван Митридатом (с. 92). Однако для того, чтобы подчеркнуть свою династическую принадлежность, изменил свое имя.

Статья Б. Дрейера с весьма броским заголовком «Как стать “приближенным” царя – карьеры и иерархия при дворе Антиоха III» (с. 97–114) посвящена проблеме положения придворных различных категорий в государстве Селевкидов⁸. Цель статьи – и автор подчеркивает это в первых строках – пересмотреть точку зрения, согласно которой придворная иерархия в государстве Селевкидов была создана при «слабых» («schwachen») правителях II в. до н.э. Напротив, считает Б. Дрейер, эта иерархия была создана первыми – «сильными» («starken») – царями, столкнувшимися с необходимостью организации завоеванной территории.

Б. Дрейер весьма убедительно демонстрирует, что придворное общество формировалось на основе греко-македонских традиций, а базовым критерием для «вступления» в царское окружение было знание греческого языка. Таким образом, царский двор состоял в основном из представителей греко-македонских элит. Стоит отметить, что с течением времени негреческий элемент при дворе стал весьма заметным, что подтверждают, в частности, просопографические исследования⁹. Можно согласиться и с другим мнением исследователя, который подчеркивает, что формирование эллинистического царского двора, в том числе и у Селевкидов, происходило под сильным влиянием персидской традиции.

Однако взгляд автора на вопрос происхождения и функций придворных в государстве Селевкидов требует уточнений. Б. Дрейер убежден, что появление лояльных по отношению к царской власти придворных связано с процессом административного устройства завоеванной территории. В данной ситуации монархи династии Селевкидов (в первую очередь автор выделяет Селевка I и Антиоха III) были вынуждены привлекать своих родственников и лиц, имеющих навыки к управлению государством. В связи с этим в государстве Селевкидов появляются новые должности, как, например, соправитель, так и разветвленная придворная иерархия. В доказательство этой версии исследователь весьма сомнительный пассаж Плутарха, в котором Селевк I мотивирует свой второй брак со Стратоникой необходимостью обзавестись многочисленными потомками для эффективного управления государством.

Безусловно, Б. Дрейер прав в том, что в период формирования или реконструкции государственных институтов Селевкиды широко опирались на придворных. Однако автор статьи совмещает функции двух по сути разных институтов: царского двора и региональной администрации. Царский двор, который действительно состоял из «родственников» и «друзей», имел очень большое значение в политической жизни державы. Однако реальное управление государством центральная власть осуществляла через региональную администрацию, которая в свою очередь была неразрывно связана с местными элитами. Разумеется, в сложные для государства Селевкидов периоды «родственники» и «друзья» наделялись чрезвычайными полномочиями и получали назначения для работы в сатрапии. Но случаи, когда представитель региональной администрации или местной элиты получал от царя придворный титул (чаще не за действительные заслуги), свидетельствуют лишь о формальном значении титула. Практика таких «раздач» придворных должностей особенно широко проводилась

⁶ Strootman 2008, not. 2

⁷ Spek van der 1993, 72, not. 7.

⁸ См. также сокращенный английский вариант этой работы: Dreyer 2011.

⁹ Savali-Lestrade 1998.

во II в. до н.э. «слабыми» правителями. И все же вывод Б. Дрейера можно считать вполне объективным: внутренняя дифференциация царского двора не была вызвана ни ослаблением царя, ни возраставшей самостоятельностью придворных.

Т. Грабовский в статье «Ахей, Птолемей и Четвертая сирийская война» осветил некоторые аспекты взаимоотношений Ахей и Птолемея IV в период четвертой Сирийской войны (с. 113–124). В качестве введения автор кратко охарактеризовал политическое положение государства Селевкидов после третьей Сирийской войны (246–241 гг. до н.э.). Сложная ситуация, в которой оказалась держава Селевкидов после этого конфликта, дополнялась сепаратистскими тенденциями в Малой Азии, которые всячески поддерживали египетские цари. Влияние Селевкидов в Малой Азии, таким образом, было ограничено интересами Птолемеев, которые после «войны Лаодики» захватили важнейшие стратегические пункты побережья, а также Селевкию в Пиерии – морские ворота столицы государства – Антиохии на Оронте. Кроме того, обострилась обстановка и в восточных сатрапиях.

В 223 г. до н.э. после гибели Селевка III Ахей, родственник царя, имел возможность претендовать на престол, но отказался от этого в пользу Антиоха III (Polyb. IV. 48. 10). Однако уже в 220 г. до н.э., после успешной войны, проведенной им против пергамского царя Аттала I, неожиданно провозгласил себя царем. Затем Ахей организовал поход на Сирию (Polyb. V. 57. 3–8) в надежде, что Антиох III, занятый войной на Востоке, еще достаточно слаб. Тем не менее данная кампания не увенчалась для Ахей успехом: начавшиеся в его войске волнения вынудили Ахея отказаться от своих планов.

По сути этот эпизод из сочинения Полибия Т. Грабовский сделал центральным в статье. Неожиданный поворот событий – резкую смену политики Ахей – автор считает результатом некоего соглашения между ним и Птолемеями. Доподлинно об этом договоре ничего не известно, однако, как сообщает Полибий, Антиох знал о якобы имевших место связях Ахей с Птолемеем IV. Более того, Птолемей открыто симпатизировал Ахею, вернув ему некогда плененного отца Андромаха (Polyb. IV. 51. 5–6). В 219/218 гг. до н.э., во время попытки мирных переговоров с Антиохом III, Птолемей IV даже пытался включить в мирный договор и Ахея, тем самым подчеркивая его интересы (Polyb. V. 67. 12–13). Непосредственно Ахей, имевший большие политические амбиции, мог самостоятельно претендовать на трон. Однако могущество приближенных Антиоха III, и, в частности, высокопоставленного вельможи Гермия, создавало ряд трудностей. Т. Грабовский не исключает возможности того, что Ахей мог также получить и ложное сообщение о гибели Антиоха в восточных сатрапиях.

Идею реванша за поражение в третьей Сирийской войне, как считает автор, вынашивал еще Селевк III, но начать военные действия против Египта решился только Антиох III в 221 г. до н.э. Однако несмотря на то что его вторжение в Келесирию было неудачным, новый царь Египта, Птолемей IV, был весьма обеспокоен нарастающим конфликтом. По всей видимости, именно тогда был разработан план заключения соглашения с Ахеем для ведения войны на два фронта. Более того, Ахей мог обеспечить и безопасность малоазийским владениям Птолемеев. В целом такой альянс был традиционен для политики Лагидов в этом регионе: египетские цари были заинтересованы в налаживании дружественных отношений с каждым царем или городом Малой Азии против влияния Селевкидов. Единственный нюанс, который только отметил Т. Грабовский, – это сложные взаимоотношения Ахей с пергамским царем Атталом I, который также рассматривался Птолемеями как союзник в борьбе с Селевкидами.

Тем не менее Т. Грабовский подчеркивает, что участие Ахей в четвертой Сирийской войне все же было незначительным. Основным театром военных действий была Келесирия, и в этом отношении роль Ахей была второстепенной: скорее всего он рассматривался Птолемеем IV как временный союзник. В конце войны Ахей фактически уже не был нужен Птолемею, и царь Пергама Аттал I положил конец всем его претензиям на господство в Малой Азии.

П. Иосиф посвятил свою статью «Imago mundi: выражение и отображение царской селевкидской идеологии. Процессия в Дафне» (с. 125–157) проблемам царской идеологии Антиоха IV на примере праздников в Дафне. В небольшом введении поставлен ее главный вопрос – пересмотреть устоявшуюся точку зрения, согласно которой организованные Антиохом IV торжества в Дафне (особенно военный парад) были уникальным опытом в истории Селевкидов. Прежде всего П. Иосиф останавливается на вопросе датировки самого события (с. 126–129). Подвергнув критике основные точки зрения по этой проблеме, автор приходит к выводу, что господствующая в историографии дата – 166 год до н.э. – в действительности соответствует 167/166 году григорианского календаря. Такая датировка несколько противоречит относительной хронологии периода, которая реконструируется в первую очередь на основе изложения исторических событий Полибием. Учитывая сообщения Полибия, а также данные клинописной таблички из Вавилона (ADRTB 164), автор выдвинул предположение, что праздники в Дафне проводились в июле/августе 165 г. до н.э.

Отдельно П. Иосиф рассматривает вопрос о периодичности празднеств в честь Аполлона, частью которых и являлась торжественная процессия Антиоха IV (с. 129–134). Проанализировав данные

эпиграфики и нарративной традиции, автор заключает, что вероятность периодичности существует, однако ввиду малочисленности источников точно определить – когда и кем была заложена эта традиция, а также – с каким интервалом организовывались эти праздники, можно только приблизительно (возможно, раз в три года).

Одним из самых интересных разделов статьи является детальный разбор элементов торжественного парада, в каждом из которых П. Иосиф попытался обнаружить важное идеологическое значение. В целом автор выделяет три основные части этого шествия: военную, городскую и божественную. Особое внимание уделяется факту присутствия «национальных» отрядов на этой процессии. В совокупности все представленные в ней народы – фракийцы, мисийцы, киликийцы, галаты и нисийцы – символизировали идеальный образ государства Селевкидов, как бы очерчивая его границы. Такая практика была характерна еще для Ахеменидов. Например, Фракия и Мисия, находившиеся по разные стороны Геллеспонта, по мнению П. Иосифа, символизировали одновременно и правление Селевка I, некогда покорившего эти области, и царствование Антиоха III, который именно в этом регионе вел войну против Рима.

Идеологически важно, с точки зрения автора, и присутствие на торжествах теоров различных греческих городов, выражающих тем самым свою лояльность селевкидскому царю. «Божественная» часть, как известно, была представлена большим количеством изображений и статуй разных божеств. Здесь автор выделяет некоторую систему оппозиций. Так, в процессии были продемонстрированы статуи Дня и Ночи, Земли и Неба, Утренней зари и Полудня. С одной стороны, П. Иосиф считает, что данный прием характеризовал противопоставление солнечного божества Аполлона лунной богине Артемиде, в честь которых были организованы торжества, а с другой – он склонен полагать, что «божественная» часть шествия представляет собой некую идеализированную проекцию Вселенной, где сам Антиох являлся ее обоженственным властителем. Автор весьма убедительно обосновывает эту идею влиянием ахеменидской и в целом ближневосточной религиозно-идеологической традиции (с. 144–145).

Особое внимание автор уделяет роли самого Антиоха IV в Дафне. П. Иосиф характеризует его как *une figure d'inversion*. На праздниках царь играл одновременно несколько ролей. Поведение Антиоха, полное непристойностей, постоянной суеты и самоуничтожения, позволяет отождествлять его с Дионисом. Связь с этим божеством может также символизировать победу над Птолемеями, чьим династическим покровителем был Дионис. Определенную связь Диониса и Антиоха П. Иосиф прослеживает, основываясь и на нумизматическом материале. Стоит только добавить, что замыкавшие торжественное шествие слоны и слоновые колесницы также имели непосредственное отношение к культу Диониса¹⁰.

Тема статьи А. Панаино «Новые размышления о Каппадокийском Календаре. Постоянства и адаптации ахеменидского наследия в истории одной малой монархии между миром македонян, Селевкидов, Атталидов, парфян и римлян» (с. 159–173). Большую часть исследования автор посвятил лингвистической характеристике названий месяцев «каппадокийского календаря», отметив их определенное иранское происхождение. Феномен этого календаря, использовавшегося на протяжении македонского и римского владычества в Каппадокии, объясняется автором крепкими культурными и религиозными традициями населения данной области. Большой авторитет в государстве имели иранские кланы, которые, впрочем, претерпевали определенную эллинизацию. Именно влияние этих местных иранских элит, исповадовавших зороастризм, способствовало сохранению собственной системы годичного подсчета времени.

Более того, факт сохранения календаря каппадокийскими царями (по крайней мере до Ариарата III) подчеркивает их стремление к автономии от окружающих соседей-завоевателей: Атталидов, Селевкидов, Рима. Возможно, «каппадокийский календарь» служил неким элементом пропаганды, которая подчеркивала иранское происхождение каппадокийских правителей.

Завершает сборник статья главного редактора Э. Домброва «Деметрий III в Иудее» (с. 175–181), где подробно исследуется один эпизод из истории Иудеи – вмешательство Деметрия III в конфликт между Александром Янаем и фарисеями. Причины, по которым селевкидский царь организовал военную операцию на стороне фарисеев, могут быть самыми разнообразными. Э. Домброва считает, что Деметрий III был выбран фарисеями в качестве союзника ввиду статуса и имевшейся в его распоряжении военной силы. В то же время отвергнутый ими набатейский царь Ободас I мог восприниматься как слишком сильная политическая фигура, способная вмешаться во внутренние дела государства.

Судя по сообщению анонимного комментатора «Книги Наума», обнаруженной в Кумране, одним из условий альянса с Деметрием III было признание верховной власти Селевкидов над Иудеей в

¹⁰ Подробнее об этом см. Смирнов 2009, 3–9.

обмен на предоставленное фарисеям право управлять иерусалимским храмом (с. 177–178). Такие обстоятельства вполне могли заинтересовать Деметрия III, чье политическое положение было крайне нестабильным. Разумеется, Деметрий III, как и его предки, не оставляли надежды вернуть Иудею в сферу подвластных территорий, однако фарисеи рассчитывали в скором времени вновь избавиться от «покровительства» Селевкидов.

Кроме рассмотренных статей в рецензируемый сборник помещены несколько рецензий, в том числе обзор К. Элинга второй части каталога селевкидских монет, составленного А. Хутоном, К. Лорбер, О. Гувером¹¹.

В заключение следует отметить, что рецензируемый том альманаха «Electrum», несмотря на тематическую широту и пестроту, представляет собой достаточно интересный и, на наш взгляд, продуктивный опыт. Хотя большинство опубликованных в нем исследований носят только уточняющий и углубляющий характер, они, безусловно, расширяют наши представления об истории государства Селевкидов.

Литература

Лериш П. 2003: Дура-Европос: итоги работ Франко-сирийской экспедиции (1986–2001) // Парфянский выстрел. М., 285–317.

Смирнов С.В. 2009: Слоновые колесницы Антиоха IV // ПИФК. 3, 3–9.

Boiy T. 2000: Dating Methods during the Early Hellenistic Period // JCS. 52, 115–121.

Boiy T. 2007: Between High and Low. Chronology of the Early Hellenistic Period. Frankfurt-am-Main.

Cohen G.M. 1995: The Hellenistic Settlements in Europe, the Islands, and Asia Minor. Berkeley–Los Angeles–Oxford.

Dreyer B. 2011: How to Become a «Relative» of the King: Careers and Hierarchy at the Court of Antiochus III // AJPh. 132, 45–57.

Houghton A., Lorber C., Hoover O.D. 2008: Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue. Pt. 2. Seleucus IV through Antiochus XIII. Vol. I–II. New York–Lancaster–London.

Kritt B. 1997: The Early Seleucid Mint of Susa. Lancaster.

Leriche P. 2003: Europos-Dura hellénistique // TOPOI. Suppl. 4, 172–183.

Savali-Lestrade I. 1998: Les philoi royaux dans l'Asie hellénistique. Genève.

Shaked Sh. 2004: Le satrape de Bactriane et son gouverneur. Documents araméens du IV s. avant notre ère provenant de Bactriane. P.

Spek R.J. van der 1993: New Evidence on Seleucid Land Policy // De Agricultura. Amsterdam.

Strootman R. 2008: rev. on: Mittag P.F. Antiochos IV. Epiphanes. Eine politische Biographie. B., 2006 // Bryn Mawr Classical Review. 2008.09.28.

С.В. Смирнов,
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

¹¹ Houghton, Lorber, Hoover 2008.